Глава 2

В ТИСКАХ БЮДЖЕТНОГО ДЕФИЦИТА

До и после переворота: финансовое положение антибольшевистских сил востока России

Рассмотрение финансового положения антибольшевистского движения в период его подпольного, «догосударственного» развития не входит в нашу задачу. Отметим только, что подпольные военные и политические организации Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока получали пожертвования от кооперативных союзов и частных предпринимателей, иногда довольно значительные, деньги от Временного автономного правительства Сибири, Дальневосточного комитета спасения Родины и защиты Учредительного собрания и атамана Г.М. Семенова[1]. Сведения о финансовом обеспечении сибирского подполья очень противоречивы, от утверждения, что его участники жили исключительно на деньги, присылаемые Д.Л. Хорватом, до мнения, что их целиком снабжала местная кооперация. Но все они основываются на повествовательных источниках и не имеют документального подтверждения[2]. В историографии встречается утверждение, что дальневосточные правительства финансировались из средств пекинского и токийского российских посольств, на счета которых в 1918 г. Русско-Азиатский банк продолжал перечислять часть боксерской контрибуции. Но и эти утверждения остаются голословными[3]. Стабильные источники финансирования имело лишь правительство Д.Л. Хорвата, у которого получали жалование бежавшие от советской власти в Харбин чиновники[4]. Дальневосточные конкуренты Д.Л. Хорвата утверждали, что его правительство получает средства путем распродажи товаров с желез-

---

[1] Белоусов Г.М. Эсеровское вооруженное подполье в Сибири (1918 г.) // Сибирский исторический сборник. Иркутск, 1974. Вып. 2. С. 133; Константинов С.И. Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1998. С. 129; Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 59.

[2] Контрреволюция в Сибири. Доклад полковника Глухарева // Красная летопись. 1923. № 5. С. 262; Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 94.

[3] Подалко П.Э. Деятельность российских дипломатов в Японии в 1918—1924 гг. // Россия и АТР. 2000. № 1. С. 66; Светачев М.И. Официальный Китай и события в России (1917—1922 гг.) // Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения: Третьи гродековские чтения. Хабаровск, 2002. Ч. 1. С. 118.

[4] ГАРФ, ф. Р-3516, оп. 1, д. 2, л. 1–3.

нодорожных складов[5]. В.Е. Флуг и полк. В.А. Глухарев, посланные А.И. Деникиным на восток России с ознакомительной целью, приводили слухи о том, что правительство Д.Л. Хорвата получало деньги от союзников[6]. Но документальные источники не позволяют установить происхождение этих денег. Надежды некоторых «утопистов» типа П.Я. Дербера на получение больших средств от союзников и буржуазии в тот момент выглядели совершенно призрачными[7]. Напротив, приходилось занимать деньги у атамана Г.М. Семенова[8].

Пожалуй, единственный крупный финансовый успех можно отметить в ходе отступления из Благовещенска мятежного атамана И.М. Гамова 12–13 марта 1918 г. за Амур в китайский г. Сахалян. Мятежникам удалось вывезти ценности казначейства (37 млн руб. золотом), из которых финансировалась деятельность антибольшевистских гражданских и военных организаций на Китайской стороне Приамурья[9]. Были и более скромные удачи. Например, председателю войскового совета Уссурийского казачьего войска С.В. Кореневу удалось получить от хабаровских большевиков различного материального довольствия на 500 тыс. руб. якобы для формирования Красной гвардии. В действительности ресурсы пошли на создание противобольшевистских казачьих отрядов в Приамурье. Но это не изменяет общую картину безденежья подпольных организаций. Накоплений ко времени прихода к власти подпольщики сделать не смогли.

Ещё один казачий регион, в котором борьба с большевиками началась задолго до чехословацкого мятежа, – область Оренбургского казачьего войска. Никаких реальных источников дохода у атамана А.И. Дутова не было, поэтому антибольшевистские силы региона с декабря 1917 г. располагали только эмиссионными возможностями[10]. Собственные деньги, принимаемые местным населением, давали Оренбургскому войсковому

---

[5] Первое Приморское областное земское собрание. 8–20 сентября 1918 г. Т. 1: Протокол и журнал земского собрания. Владивосток, 1919. С. 14.

[6] Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 г. // Архив русской революции. М., 1991. Кн. 5. Т. 9. С. 256; Контрреволюция в Сибири. Доклад полковника Глухарева // Красная летопись. 1923. № 5. С. 360.

[7] Временное правительство автономной Сибири // Красный архив. 1928. Т. (4) 29. С. 108–109, 126, 128; Контрреволюция в Сибири. С. 267; Бойко-Павлов Д.И., Сидорчук Е.П. Так было на Дальнем Востоке. М., 1964. С. 208; Цыпкин С., Шурыгин А., Булыгин С. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. Хроника событий 1917—1922 гг. М.; Хабаровск, 1933. С. 53.

[8] Временное правительство автономной Сибири // Красный архив. 1929. Т. (4) 35. С. 39; Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). Хабаровск, 2002. С. 97, 117.

[9] Бойко-Павлов Д.И., Сидорчук Е.П. Так было… С. 180; Залеская О.В. Российско-китайские пограничные отношения на Дальнем Востоке (1917—1924 гг.). Благовещенск, 2001. С. 46; Футорянский Л.И. Казачество России в огне гражданской войны (1918—1920 гг.). Оренбург, 2003. С. 215.

[10] ГАРФ, ф. Р-4375, оп. 1, д. 10, л. 155–155об.

правительству возможность обеспечивать военные действия и обслуживание гражданских нужд населения с декабря 1917 г. по январь 1918 г.

Уход и бегство представителей советской власти повсеместно сопровождались вывозом фондовых ценностей с территорий, отдаваемых противнику. В Самарском отделении Государственного банка после падения советской власти обнаружился 15-дневный запас наличности (30 млн руб. – по одним источникам[11] и 24 млн 464 тыс. руб. – по другим[12]). И.М. Майский рисовал несколько иную картину, указывая, что в Государственном банке имелось 1,5 млн руб. наличными, а требовалось немедленно 5 млн руб. [13] В Симбирске кассы всех кредитных учреждений были совершенно пусты[14]. Однако Комуч надеялся на быстрое пополнение касс, поэтому от денежной эмиссии решили воздержаться. Большие надежды возлагались на заём денег у поволжской буржуазии. Но им не суждено было оправдаться[15].

В Ижевске после свержения советской власти в казначействе обнаружилось 25 млн руб. Со временем дополнительные средства были доставлены из Самары[16]. Видимо, сумма была не очень большая, так как в финансовых документах Комуча эта выдача не нашла отражения. Это всё, чем располагали восставшие Прикамья, три месяца действовавшие почти в полной изоляции от других очагов антибольшевистского движения. Башкирское автономное правительство не имело даже возможности воспользоваться средствами одного из казначейств. Основным источником его существования был заем 4 млн руб., предоставленный ему Комучем, сроком на полгода[17]. Башкирское правительство пыталось также собирать налоги с башкирского населения в свою пользу, но установить его доходы, полученные таким путем, не представляется возможным.

Из отделений Государственного банка и казначейств большевики целенаправленно вывозили не только денежные знаки, но и финансовую документацию[18]. Опустошение коснулось также касс муниципальных учреждений. Большинство из них начали возобновление своей деятельности

---

[11] Наш день (Самара). 1918. 28 июня.

[12] Едидович Л. Деньги Комуча. Самара, 2003 (Цит. по: http://www.bonistikaweb.ru/knigi.edidovich.htm).

[13] Майский И. Демократическая контрреволюция. М. 1923. С. 87.

[14] Белое движение: каталог листовок 1917—1920. СПб., 2000. С. 101.

[15] Медведев В.Г. Белый режим под красным флагом (Поволжье в 1918 г.). Ульяновск, 1998. С. 158–159.

[16] Ефимов А. Ижевцы и воткинцы // 1918 год на востоке России. М., 2003. С. 359; Федичкин Д. Ижевское восстание в период с 8 августа по 20 октября 1918 года // Там же. С. 384.

[17] Оренбургский вестник Комитета членов Учредительного собрания (Оренбург). 1918. 3 окт.

[18] ГАРФ, ф. Р-197, оп. 5, д. 81, л. 5об; Антибольшевистское правительство (из истории белого движения). Тверь, 1999. С. 139; Матвеев М.Н. Земства Поволжья в 1917—1918 годах. Дис. … канд. ист. наук. Самара, 1995. С. 161.

с констатации полного отсутствия средств[19]. Лишь некоторые объявили о наличии в кассах небольших сумм[20]. Обычно доходы самоуправлений формировались путем передачи им средств, оставшихся на счетах местных советов, что практиковалось при всех антибольшевистских властях[21].

Запасы денежной наличности во всех томских финансовых учреждениях составляли только 68 млн руб., из которых 20,5 млн руб. – государственными ценными бумагами. В Государственном банке и казенной палате Омска осталось около 40 млн руб., Томска – 41,9 млн. Из Омска отступавшие большевики увезли 284 млн руб., из Томского отделения Государственного банка и казначейства – 280 млн руб. При этом только в Томской губернии в течение двух ближайших месяцев необходимо было изыскать 50 млн руб. для организации новых правительственных учреждений, создаваемых властью, 38 млн руб. – на финансирование работы железных дорог и еще несколько десятков миллионов рублей – на прочие нужды[22]. В других местах ситуация была не лучше. По мере арестов бывших советских работников некоторые суммы возвращались обратно в казну или кассы предприятий и учреждений[23]. Омское казначейство пополнилось не менее чем на 50 млн руб.[24] Но принципиально это не меняло картину, так как расходы возрастали в геометрической прогрессии.

Искать пути преодоления финансового кризиса пытались на началах коллегиальности. При Комуче сначала действовала Бюджетно-сметная комиссия, позже преобразованная в Финансовый совет. Её предложения на первое время свелись к сбору пожертвований, реализации остатков Самарского городского займа, выпуску облигаций «займа Свободы». Наконец, 2 июля 1918 г. пришло решение: если Комуч реализует товары, лежавшие на городских складах, то это позволит получить кредит в 30 млн[25]. Во многих местах региональные власти создали консультативные органы для поиска путей преодоления финансового кризиса. Финансово-налоговые совещания работали в Самаре и Сызрани, в Сибири существовали Тобольская губернская финансовая комиссия, Финансово-

---

[19] Белое движение… С. 90; Барабинская степь (Каинск). 1918. 10 авг.; Финансы Алтая. Барнаул, 2002. С. 189–109; Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Тюмень, 1995. С. 306.

[20] Аверин В.А. К вопросу о кредитовании органов городского самоуправления Западной Сибири Временным Сибирским правительством и правительством А.В. Колчака // История белой Сибири. Кемерово, 2001. С. 70.

[21] ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 263, л. 4.

[22] ГАРФ, ф. Р-197, оп. 5, д. 47, л. 6; ф. Р-176, оп. 5, д. 36, л. 1–7 (в источнике ошибочно указывается, что в томских банках находилось 20 млн руб. купонами государственных ценных бумаг. В действительности имелись в виду ценные бумаги, так как купонов к ним по всей Сибири насчитывалось на сумму не более 3–4 млн руб.); ГАТО, ф. 431, оп. 1, д. 37а, л. 66.

[23] ТФ ГАТО, ф. И-722, оп. 1, д. 138, л. 32; ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 103, л. 8.

[24] Известия Тобольского военного штаба (Тобольск). 1918. 3 июня.

[25] ГАРФ, ф. Р-4375, оп. 1, д. 10, л. 10об.–12об., 41.

экономическая комиссия в Томске, функционировавшая в разное время при Томском губернском комиссариате, Западно-Сибирском комиссариате, Сибирской областной думе, и другие. Предложения этих органов в основном включали временный перевод служащих на безналичный расчет с городскими продовольственными лавками, ограничение выдачи денег со счетов банков, интенсивный сбор налогов и рост ставок налогов с аграрного сектора, продажу государственных запасов спирта, эмиссию[26]. Уфимская городская финансовая комиссия считала необходимым осуществить городской заем, причем путем подворного обхода населения. В условиях денежного кризиса и эта мера не дала результатов[27]. Но вариант выпуска собственных денег в тот период все общественные консультанты отклонили повсеместно. С недели на неделю ждали сообщения о капитуляции большевистской Москвы.

В целом в лагере контрреволюции преобладала позитивная оценка финансовых перспектив. В частности, в Сибири 5 июля 1918 г. министр финансов И.А. Михайлов сделал полный оптимизма доклад для печати, программно озаглавленный «Средства Временного Сибирского правительства». В нем министр заявил: «К выпуску денежных знаков и займов правительство решило не прибегать. Средства для сохранения и увеличения денежной наличности оно видит в росте банковских операций. Денег у сибирского населения много, и основным вопросом видится настроение кредитного мира» [28]. И.А. Михайлов считал, что причины денежного дефицита следует искать, во-первых, в финансовой политике большевиков (закрытие частных банков, «замораживание» вкладов населения в банках и сберегательных кассах), во-вторых, в прекращении связи с финансовыми институтами центра страны. Преодолеть денежный дефицит министр предполагал путем стимуляции населения к увеличению денежных вкладов в кредитные учреждения и интенсификации сбора налогов. Конкретные механизмы выполнения своих замыслов 26-летний министр предпочел публике не раскрывать, да их у него и не было. В тот же день, дополняя доклад министра, товарищ министра финансов Н.Д. Буяновский раскрыл еще несколько предполагаемых источников денежного пополнения: «Государственный бюджет планирует получить 90 млн руб. от продажи водки. За Европейской Россией считается долгу 308 млн руб. При возобновлении вывоза этот долг должен быть покрыт. Сибирских вкладов и счетов в кредитных учреждениях европейской России к 1 сентября 1917 г.

---

[26] Там же, ф. Р-197, оп. 5, д. 36, л. 1–9; ф. Р-4375, оп. 1, д. 13. л. 1–24; ГАТ, ф. И-722, оп. 1, д. 129, л. 13–15; ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 44, л. 1–2об.; д. 262, л. 24–41; ЦХИДНИИО, ф. 300, оп. 1, д. 722, л. 2–15об.

[27] Уфимская жизнь (Уфа). 1918. 7 нояб.

[28] Жизнь Алтая (Барнаул). 1918. 11 июля.

числится 460 млн руб.». Н.Д. Буяновский считал, что финансовое будущее Сибири не вызывает беспокойства[29].

Итак, все расчеты политиков основывались на ожидании быстрой победы над большевиками во всей России и скорого восстановления единства экономического пространства при сохранении автономии Сибири. Реального финансового положения европейской части России, которая вряд ли бы смогла оплатить долги и вклады, никто не учитывал. Вместо притока денег из европейской части России возникла угроза их оттока по долгам кредитных учреждений по ту сторону фронта. Финансовый совет Комуча справедливо отметил, что снятие всех ограничений с вкладов приведет к полному опустошению текущих банковских счетов. Поэтому, декларативно провозгласив полную свободу использования вкладов и ценных бумаг[30], ввели ограничение – 150 руб. в неделю, что соответствовало прожиточному минимуму[31]. 15 июля 1918 г. вышло постановление Временного Сибирского правительства, в котором говорилось, что «ввиду невозможности получать пополнение денежных знаков из Европейской России впредь до установления денежных сношений уплату по книжкам сберегательных касс Европейской России не производить» [32]. Первоначально этот запрет коснулся и территории Поволжья – ни на Урале, ни в Сибири переводы из Поволжья не оплачивались. В конце августа 1918 г. Временное сибирское правительство и Временное областное правительство Урала солидарно возобновили переводные операции с банками, находившимися на территории Комуча[33].

Положение с денежной наличностью по всему востоку России можно охарактеризовать не иначе, как дефолт. Но масштабы «финансовой ямы» стали видны постепенно. Лишь к началу осени 1918 г. была подсчитана сумма денег, увезенных большевиками из сибирских и уральских отделений Государственного банка и Государственного казначейства (табл. 2.1).

Лишившись такой крупной суммы денег, антибольшевистская власть унаследовала долги советов: увезенные большевиками деньги предназначались для выплаты заработной платы, финансирования эксплуатационных расходов предприятий, оплаты за поставки государству сельскохозяйственной и промышленной продукции. К тому же при советской власти государственный сектор существенно расширился, возросла и его убыточность. В итоге все антибольшевистские правительства вынуждены были формировать доходную часть бюджета практически с нуля, расходная же часть была сразу очень значительной.

---

[29] Там же.
[30] Приказы Комуча. С. 45.
[31] ГАРФ, ф. Р-4375, оп. 1, д. 10, л. 13–15об.
[32] СУР ВСП, № 12, ст. 114, 115
[33] ГАСО, ф. Р-569, оп. 3, д.18, л. 35.

Таблица 2.1

Сумма денег, вывезенных большевиками при отступлении из учреждений Государственного банка и Государственного казначейства Урала, Сибири и Дальнего Востока, в 1918 г. (руб.)

Учреждения Государственного банка и Государственного казначейства	Сумма
Ачинское	92400
Бирское	8163355
Екатеринбургское	532000000
Иркутское	49873092
Красноярское	18123000
Кулундинское	20000
Кяхтинское	1707475
Омское	284353104
Нарымское	245753
Тарское	107934
Тобольское	6995041
Томское	265753
Туринское	1900
Тюменское	16846723
Челябинское	40000
Читинское	603587
Ялуторовское	4987107
Всего	1011544307

Источник: Обзор деятельности Министерства финансов за второе полугодие 1918 года. Омск, 1919. С. 5.

На многих предприятиях коллективы не получили зарплату даже за май, и после того, как затухли первые вспышки вооруженной борьбы, пришлось изыскивать средства для уплаты уже за два месяца[34]. Удовлетворить зарплатой рабочих и служащих смогли лишь частично, практиковались 50%-ные выплаты[35]. Рабочие большинства частных горнопромышленных предприятий подолгу не получали зарплату.

[34] ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 262, л. 6.
[35] Наш день. 1918. 16 авг.; ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 32, л. 1–4.

Государственные доходы и расходы антибольшевистских правительств

Попытки сформировать бюджет антибольшевистские правительства предпринимали неоднократно, и сам этот термин постоянно встречается в делопроизводственных документах. Однако реально предметом научного анализа может выступать лишь определенное, стихийно сложившееся соотношение доходов и расходов казны. Все антибольшевистские правительства действовали в дефолтовом режиме. На самом старте они начали функционировать в условиях отсрочки платежей. В каждый последующий месяц скрытый внутренний государственный долг накапливался, правительства недоплачивали всё большую часть своих расходов неправительственным структурам, ведомства недоплачивали друг другу. Маховик неплатежей раскручивало само государство.

Одной из важнейших проблем истории контрреволюции является вопрос о том, из каких источников финансировались ведение гражданской войны, государственное строительство и хозяйственная деятельность противников большевиков, как и насколько эффективно расходовались полученные средства. В историографии по этому поводу есть отдельные соображения, которые в доперестроечный период несли заряд крайней предвзятости. Это контрастирует с изучением дореволюционной финансовой политики, в отношении которой именно в советские годы было предпринято несколько серьезных исследований[36].

В 1990-е гг. появилось несколько публикаций, в которых рассматривались различные аспекты финансовой политики сибирской контрреволюции, в научный оборот был введен значительный объем новых фактов[37]. Но дальше констатации сведений, извлеченных из официальной статистики, авторы не продвинулись. В отношении других ответвлений восточной контрреволюции историографическая ситуация осталась неизменной с советских времен.

Между тем, советские и современные исследователи оперируют большим количеством разрозненных данных финансового характера, вырывая их из контекста, и совершенно не учитывают глубокую трансформацию, происходившую в финансовой сфере в годы Первой мировой и граждан-

---

[36] Гридин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960; Погребинский А.И. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968; Шеболдин Ю.Н. Государственный бюджет царской России в начале XX века // Исторические записки. М., 1959. Т. 65. С. 163–190; и др.

[37] Дмитриев Н.И. Экономическая политика правительства А.В. Колчака // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 25–29; Пастухова Е.И. Финансово-денежная политика правительства Колчака // Гуманитарный ежегодник. Вып. 3. Сборник трудов аспирантов и соискателей. Новосибирск, 2002. С. 68–69; Smele J.D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918—1920. Cambridge, 1996. P. 396–397.

ской войн. Вот почему реконструкция объёмов и структуры доходов и расходов антибольшевистских правительств востока России актуальна не только с точки зрения изучения собственно их финансовой политики, но и для понимания контекста многих сюжетов из истории гражданской войны. Нельзя понимать эту задачу как изучение бюджета в традиционном смысле слова, так как никакого бюджета не существовало, как не существовало и правильной финансовой статистики. Это вынуждает предпринять изыскания с гораздо большим количеством неизвестных, чем обычно допускается в исследованиях из области макроэкономической истории.

Итак, ставка на активизацию коммерческого кредита, сделанная в первые недели после антибольшевистского переворота, оказалась битой. Дефицит денежных знаков стал превращаться во всё более серьезную проблему для государственных органов по мере создания государственного аппарата и подключения его к исполнению своих функций. Хотя Совет съездов торговли и промышленности в ноябре 1918 г. и рекомендовал Российскому правительству ввести принудительное чековое обращение, что могло бы позволить избежать дополнительной эмиссии и приостановить бартеризацию экономики[38], но скромные попытки вводить чеки на практике себя не оправдали – они не оплачивались банками и поэтому низко котировались. Большинство антибольшевистских правительств быстро встало на путь собственной эмиссии. Однако пополнение бюджета за счет печатного станка воспринималось как отклонение.

Комуч, например, в течение четырех первых месяцев использовал четыре основных источника поступлений: 1) государственные ценные бумаги и купоны к ним, хранившиеся в поволжских банках на сумму 209 млн руб.; 2) выручку от реализации товаров, обнаруженных на складах и станциях (предварительно её объем определили в 30 млн руб.); 3) налоговые поступления, 4) пожертвования населения. Последние два источника не поддаются учету. Следует также принять во внимание ценности, захваченные чехами в Казани. Из местного отделения Государственного банка были вывезены 15 млн руб. в Самару и 5 млн руб. в Симбирск. В. Сироткин и В. Масарский утверждают, что некоторое количество серебряной монеты было продано по цене 5 руб. за один серебряный рубль для получения наличных. Они связывают это с началом расхищения «золотого запаса», включавшего и серебро[39]. Но тут следует уточнить, что решение о продаже запасов серебра, хранившихся в поволжских отделениях Государственного банка, было принято Финансовым совещанием при Комуче ещё 13 июня 1918 г. и не связано с захватом «золотого запаса

[38] Правительственный вестник. 1918. 28 нояб.
[39] Масарский М., Сироткин В. Вернется ли в Россию дореволюционное золото // Дипломатический ежегодник. 1995. С. 235.

России»[40]. Претендуя на всероссийский масштаб власти, Комуч щедро раздавал обещания профинансировать местную власть того или иного из прилегавших регионов при условии признания верховенства Самары. Обычно эти обещания Комуча оказывались блефом. Так не дождались денег оренбургские казаки, почувствовали нереальность обещаний Комуча члены Временного областного Уральского правительства. Напротив, в условиях неплатежеспособности Комуча Временное сибирское правительство взяло на свой баланс Самаро-Златоустовскую железную дорогу, распространив тем самым своё влияние далеко на запад, за пределы своей административной территории[41]. Временное Сибирское правительство выделило Комучу кредит в 5 млн руб.[42]

Поволжские власти намеревались наладить учёт своих доходов и расходов. 12 июня 1919 г. Комуч издал приказ № 19, предусматривавший необходимость внесения всех сметных предложений ведомств на утверждение правительства. 19 июня последовал другой приказ, № 37, обязывавший все ведомства срочно составить сметы. На следующий день вновь грозный приказ – срочно предоставить списки служащих и оклады[43]. Это позволило Комучу приблизительно представлять объем затрат, но не предвидеть и не планировать их. Известно, что с 11 июля по 8 августа 1918 г. Комучу пришлось израсходовать 55 млн 913 тыс.[44] Это было до начала печатания собственных денег.

В отношении контроля над формированием доходов и расходов в лучшую сторону отличалось Временное областное правительство Урала, которому всё же удалось спланировать свои расходы по отдельным ведомствам до конца года. Правда, особенность его положения заключается в том, что бюджет оказался крошечным. К 2 сентября 1918 г. Временному областному правительству Урала было предъявлено к оплате до 10 млн руб. Но, сформированное за 12 дней до этого, оно не могло удовлетворить все требования[45]. Никаких доходов у правительства не было. Переговоры о займе 20 млн руб. у Самары или любой суммы у Временного сибирского правительства не к чему не привели. Идея продать имевшийся на Урале запас металла или спирта, который мог дать доход в 30 млн, провалилась – для реализации этого проекта требовались деньги, которых тоже не бы-

---

[40] ГАРФ, ф. Р-4375, оп. 1, д. 10, л. 10об.

[41] Омский вестник (Омск). 1918. 9 авг.; Константинов С.И. Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1998. С. 120; Машин М.Д., Семьянинов В.С. Вооруженная борьба трудящихся Южного Урала против внутренней и внешней контрреволюции. Иркутск, 1991. С. 149.

[42] ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 43, л. 111об.

[43] Приказы Комуча. С. 12, 18, 20.

[44] Едидович Л. Деньги Комуча…

[45] ГАСО, ф. Р-569, оп. 3, д. 19, л. 3.

ло[46]. В августе–сентябре 1918 г. именно финансовое бессилие Временного областного правительства Урала, наряду с присутствием на Урале Сибирской армии, стало решающим фактором доминирования Временного сибирского правительства в данном регионе. У кого были деньги, тот и имел реальное влияние. Не обошлось без конфликтов – сибирский Минфин распоряжался в уральских отделениях Государственного банка как в своих, присылал ассигновки, делал распоряжения административного характера, в том числе и о невыдаче денег уральским правительственным учреждениям. Причиной перехода ряда территорий Урала под юрисдикцию Временного сибирского правительства[47] стало то, что оно смогло профинансировать там работу государственных и земских учреждений, а Временное областное правительство Урала – нет, хотя и предприняло ряд усилий, чтобы сохранить влияние на спорных с Сибирью территориях[48].

Нужно отметить, что уральские политики наиболее оперативно попытались организовать строгий учёт расходов и спрогнозировать их на будущее. За октябрь – начало ноября были составлены сметы большинства центральных учреждений на октябрь–декабрь и на последующий 1919 г., утверждены расходы по большинству ведомств со времени их основания и до конца календарного года. Содержание областного аппарата должно было обойтись в 1,2–1,3 млн руб. Кроме того, правительство утвердило 15 млн 530 тыс. руб. на ссуды уральским горным округам и заводам и ещё разных ассигнований и ссуд на сумму около 5 млн 870 тыс. руб. И все же нормально составить расходную часть бюджета оказалось невозможно, так как территория, подвластная правительству, непредсказуемо менялась. Местные учреждения, за исключением екатеринбургских, финансировались от случая к случаю. Основная масса ассигнований и ссуд Временного областного правительства была утверждена в конце октября – начале ноября и вряд ли была проплачена[49]. Известие о грядущем роспуске правительства только подстегнуло его бюджетную активность – в последние дни оно утвердило наибольшее количество ассигнований и кредитов, размеры которых были на порядок больше, чем в предшествующий период. Очевидно, что делалось это не из расчета оплатить всё из областного бюджета. Напротив, уральские власти приняли решение не считаться

---

[46] Там же, д. 21, л. 41; д. 23, л. 26–26об.; ф. Р-1851, оп. 1, д. 5, л. 144–145, 149–150об.; Антибольшевистское правительство… С. 101, 110, 122.

[47] Златоустовский, Челябинский и Троицкий, Ирбитский, Шадринский, Кустанайский, Камышловский и Верхнеуральский уезды (см.: СУР ВСП. № 4, ст. 35; № 12, ст. 117; № 14, ст. 125).

[48] ГАСО, ф. Р-569, оп. 3, д. 5, л. 277об.–278; д. 15, л. 21; д. 33, л. 12об.; д. 34, л. 41–43; Антибольшевистское правительство… С. 126, 143–144.

[49] Подсчет производился по протоколам Совета Временного областного правительства Урала. — ГАСО, ф. Р-569, оп. 3, д. 7–16, 18–26, 28–66, 68–69.

с состоянием кассы, так как Всероссийское правительство должно оплатить все расходы упраздняемых правительств[50].

По сведениям Л.А. Кроля, к концу октября 1918 г. Екатеринбургское отделение Государственного банка оплатило переводы из сибирских отделений на сумму 8 971 925 руб., тогда как получило из Сибири только 2 698 965 руб.[51] Не имея доходов, правительство оплачивало расходы из банковских вкладов граждан и организаций[52]. При этом органы государственной власти Урала испытывали постоянный дефицит наличности, безуспешно пытаясь позаимствовать средства у поволжских и сибирских соседей[53]. Несмотря на отсутствие доходов, к денежной эмиссии Временное областное правительство Урала не прибегало, а выпустило только 1,5 млн разменных бон. Но зато были подготовлены материалы, оборудование и даже персонал для обслуживания масштабной денежной эмиссии, что потом пригодилось Российскому правительству.

Ещё один региональный центр антибольшевистской власти, имевший собственные источники финансирования – Оренбуржье. Не сумев предоставить заём Оренбургскому войсковому правительству, Комуч вынужден был согласиться с его правом самостоятельно формировать свои доходы за счет печатного станка. В августе 1918 г. Комуч всё же попытался запретить эту эмиссию[54]. Войсковое правительство ослушалось, и вскоре даже у самарских политиков не было повода об этом пожалеть. Когда в сентябре–октябре 1918 г. началась спешная эвакуация «белых» из Поволжья, часть средств Оренбургского войскового правительства была израсходована на обеспечение прибывающих беженцев, выплату пособий служащим эвакуированных учреждений[55]. Хотя известно, что в Оренбурге успели выпустить 163 млн руб., общую сумму расходов Оренбургской региональной власти просчитать очень сложно по двум причинам. Во-первых, не только атаман А.И. Дутов контролировал печатный станок в области Оренбургского казачьего воска. С января по март 1918 г. деньгами распоряжался Оренбургский военно-революционный комитет. Во-вторых, параллельно с Оренбургским войсковым правительством в Оренбурге находилось управление Уполномоченного Комуча по Оренбургской губернии. Обе власти имели местные источники финансирования. В регион поступали деньги Комуча, использовавшиеся также и казачьей, и гражданской властью. Вот почему по размеру эмиссии можно составить лишь приблизительное представление о размерах расходов оренбургского

---

[50] Там же, д. 64, л. 37об.
[51] Там же, л. 37–37об.
[52] Там же, л. 37.
[53] Мурашев П. Контрреволюция на Урале. 1918—1919 гг. // Уральский областник. 1994. № 4. С. 32.
[54] ГАРФ, ф. Р-4375, оп. 1, д. 10, л. 155–155об.
[55] Оренбургский Вестник Комитета членов Учредительного собрания. 1918. 26, 31 окт.

региона в 1918 г. Определять доходы Оренбургского войскового правительства по данной эмиссии тоже нельзя. Известно, что одним из стабильных источников реальных денежных поступлений являлась пошлина, налагаемая войсковым правительством на Илецкие соляные промыслы[56], отсутствие точных данных о которых не позволяет делать предположения о том, как соотносились доходы и эмиссия.

Из правительств Дальнего Востока собственными источниками финансирования обладало только Временное областное Амурское правительство, сначала использовавшее средства Благовещенской казенной палаты (37 млн руб.), а потом отпечатавшее 18 млн руб. собственных денег[57]. Итого амурские региональные власти имели возможность израсходовать 55 млн руб. по номиналу. Хотя сопоставление золотых рублей и местных бон очень условно.

Чуть восточнее располагалась территория Уссурийского казачьего войска, также весьма самостоятельного в вопросах формирования своего бюджета. К свержению советской власти государство задолжало Уссурийскому казачьему войску 1 млн 700 тыс. руб. и с 1916 г. прекратило отпускать ссуды, которые выделялись ранее. Это давало основание И.П. Калмыкову предпринимать усилия по самостоятельному изысканию средств, в т.ч. внешних займов. Так, И.П. Калмыков получил от японцев 2 млн руб. под личную ответственность безо всяких гарантий. Практиковалась и сдача в аренду иностранцам земельных и лесных угодий[58].

Совершенно особого внимания заслуживают попытки сформировать бюджет в Омске. Первые месяцы существования антибольшевистских правительств омский центр располагал наибольшими финансовыми возможностями, а с ноября 1918 г. стал определять состояние финансовой сферы всего востока России.

Необходимость создать правильный сбалансированный бюджет в Совете министров Временного сибирского правительства понимали достаточно хорошо. Поэтому уже в августе 1918 г. было предписано закрыть все сметы, отпускавшиеся советскими органами (местными и центральными), и с 1 июля 1918 г. открыть новые сметы. Таким образом, предполагалось создать возможность для исчисления отдельного бюджета за второе полугодие. В случае, если смета не была составлена, Министерство финансов грозилось отпускать средства в прошлогоднем размере, что ставило бы ведомства в затруднительное положение в связи с сильным обесцениванием рубля[59]. Несмотря на неоднократные грозные напомина-

---

[56] Вестник Комуча (Самара). 1918. 5 сент.

[57] Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции. Харбин, 1924. С. 206.

[58] Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). Хабаровск, 2002. С. 132, 136.

[59] ГАТО, ф. 196, оп. 19, д. 2074, л. 56–56об.

ния как Министерства финансов, так и казенных палат, сметы различных государственных учреждений составлялись с большими опозданиями, финансовая отчетность сдавалась крайне неаккуратно. Казначействами она проверялась тоже небрежно, с большими задержками[60]. Правда, поначалу, в связи с чрезвычайной обстановкой, финансовые органы спокойно относились к сверхсметному расходованию средств. Все рассчитывали на быструю военную победу и стабилизацию политического положения, которые позволили бы свести в ближайшем будущем к минимуму сверхсметные расходы.

Однако следует отметить, что баланс доходов и расходов, их объём летом и в начале осени 1918 г. выглядел благоприятнее всего именно у сибирских властей. Поэтому при попытке сформировать общероссийское правительство бюджетный вопрос был поставлен в необычную плоскость. Директория, рассчитывавшая быстро объединить весь восток России, обозначила проблему слишком неравномерного распределения денежных ресурсов между разными областными правительствами, подразумевая относительное денежное изобилие Временного сибирского правительства и недостаток средств в других регионах и у остальных региональных государственных образований. Необходимо, полагали члены Директории, аккумулировать все средства в центральных учреждениях, для чего постановили вызвать в Уфу управляющего ведомством финансов Комуча Д.Ф. Ракова и товарища сибирского министра финансов Н.Д. Буяновского для обсуждения вопроса о создании Центрального финансового управления. Вместе с тем, было отмечено ужасное состояние финансовой части Комуча. Директория решила запросить поволжское правительство о состоянии денежной наличности и месячных расходах[61]. Никто из призванных не поспешил явиться, и запланированное совещание не состоялось.

Уже в Омске, отчитываясь перед Директорией 8 ноября 1918 г., И.А. Михайлов признал, что не может предсказать, какой объём денежных средств понадобится на ноябрь и декабрь. Министр обратил внимание на то, что сметы до сих пор нет ни по одному учреждению. Причем Временное сибирское правительство не ожидало, что у него будет такая большая армия и громадная территория и не было готово к тем расходам, какие приходилось нести[62].

Вопрос вскоре отпал сам собой. Государственный переворот 18 ноября 1918 г. разрешил все проблемы, и отныне на востоке России появилась единая государственная казна. С этого времени начинает формироваться совершенно другой масштаб государственного регулирования, подстать огромной территории, которой располагал колчаковский режим, и его

[60] ЦХАФАК, ф. 190, оп. 1, д. 131, л. 35–35об.
[61] ГАРФ, ф. Р-180, оп. 1, д. 27, л. 3.
[62] Там же, л. 74–74об.

армии – одной из трех крупнейших армий периода гражданской войны, находившейся в стадии формирования и развертывания боевых действий одновременно. На территории, подвластной Российскому правительству, вопросы формирования государственного бюджета на местах находились в ведении более двух десятков казенных палат.

Во второй половине лета – осенью 1918 г. административные штаты раздувались, и статьи расходов на государственный аппарат непрерывно повышались. Смету Военного министерства было невозможно составить даже приблизительно. Ещё в начале своей деятельности Временное сибирское правительство воспроизвело дореволюционный тип финансирования военных расходов. Был создан специальный военный фонд. В него отпускались авансом крупные суммы, которые по мере истощения фонда пополнялись. Это происходило в то время, как другие ведомства испытывали непрерывный дефицит средств и не имели возможности получить их. Поначалу сверхсметные расходы поступали на утверждение Министерства финансов, но 20 февраля 1919 г. эту процедуру решили упростить, представляя их сразу на заседании Совета министров Российского правительства, который их обычно утверждал без обсуждения[63].

Формирование обыкновенного бюджета в таких условиях было мало результативным. Даже попытки систематизировать информацию о том, что уже израсходовано, хотя и предпринимались, но вяло. Поэтому важнейшая государственная задача – составление сводных смет расходов за второе полугодие 1918 г. – была поставлена лишь в конце года, но не выполнена даже через год. Естественно, что подавляющая часть расходов происходила в чрезвычайном порядке.

Летом 1919 г. начало работу совещание по составлению бюджета на 1919 г. Каждое ведомство представляло свои сметные предложения, которые строго подвергались сокращению. Следующим этапом стало обсуждение этих смет в бюджетной комиссии Государственного экономического совещания. Но всю эту процедуру прошли только некоторые главные управления и департаменты и единственное министерство – земледелия и колонизации[64].

В сентябре 1919 г. министр финансов Л.В. фон-Гойер докладывал Государственному экономическому совещанию, что лишь некоторые ведомства подали окончательные сметы за второе полугодие прошлого года. Часть остальных смет Министерство финансов реконструировало по отчетным данным. Но это удалось сделать для наименее капиталоёмких ведомств. Ни Министерство путей сообщения, ни Министерство торговли и промышленности, ни, тем более, Военное министерство не смогли сфор-

---

[63] Автор не располагает протоколом этого заседания Совета министров Российского правительства и вынужден доверять косвенному источнику. — ГАРФ, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 29.
[64] Там же, оп. 3, д. 1, л. 1–34, 49–105.

мировать сметы произведенных расходов. Расходы за 1919 г. совершенно не поддавались контролю. Л.В. фон-Гойер отмечал, что ведомства, имевшие наибольшие расходы, медленнее всего подают данные о них[65]. Удавалось проследить только совокупные доходы и расходы, так как их можно было легко подсчитать по сводному балансу касс отделений Государственного банка и казначейств.

За время существования контрреволюционных правительств их реальные доходы складывались главным образом из налоговых поступлений. Повсеместно, за исключением Сибири, их объем был ничтожен, но, к сожалению, и отчетность по ним находилась в неудовлетворительном состоянии, что не позволяет четко представить их долю в доходах Комуча, Временного областного правительства Урала и других государственных образований востока России. Были ещё поступления от продажи вина, доходы от эксплуатации железных дорог и казенного леса, вероятно, более существенные, чем налоговые. Необходимо отметить, что последние две статьи, конечно, приносили доходы в казну, но сами по себе эти направления хозяйственной деятельности были убыточными. Министерство финансов Временного сибирского и Российского правительств обладало достаточно полной информацией о своих налоговых поступлениях. Возможно, что часть сведений о доходах региональных правительств была включена в общероссийские сводки, так как отчетные данные всех казенных палат суммировались. Но никаких более точных сведений по этому поводу нет. До августа 1919 г. составлялись сводные данные. На более поздний период информация отсутствует, но и налоговые сборы за это время сильно сократились, несмотря на инфляцию. Налоговая политика сибирской контрреволюции исследована достаточно подробно[66], что позволяет воспользоваться уже опубликованными данными о структуре налоговых поступлений (см. Приложение, табл. I, II).

Статистика Министерства финансов дает сведения об основных источниках доходов с августа 1918 по февраль 1919 г. До мая 1919 г. доходы отражены уже отрывочно. Зато есть четкое соотношение государственных доходов и расходов по май 1919 г. Известен также приблизительный бюджет до конца года. В табл. III (см. Приложение) аккумулированы доходы и расходы за все предшествовавшие месяцы, что позволило выявить и помесячное нарастание бюджетного дефицита. Нетрудно заметить, что налоги, собранные за 13 месяцев, не компенсировали суммы, увезенные сторонниками советской власти из кредитных учреждений востока Рос-

---

[65] Там же, оп. 2, д. 41, л. 29об.

[66] Дмитриев Н.И. Налоговая политика белогвардейских правительств Сибири // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1996. № 4. С. 210–216; Рынков В.М. Налоговая политика контрреволюционных правительств Сибири (июнь 1918 – 1919 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 1: Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. Новосибирск, 1997. С. 65–95.

сии. Причем речь идет о сравнении номинальных сумм, реальные же налоговые поступления, пересчитанные в сопоставимых ценах, были значительно ниже.

Известно зато, что летом 1919 г. при Министерстве финансов действовала бюджетная комиссия, которая определила приблизительно доходную часть бюджета на 1919 г. в сумме 4 064 млн руб. В сентябрьском докладе Л.В. фон-Гойера Государственному экономическому совещанию сообщалось, что сводка доходов по 11 казенным палатам в первом полугодии 1919 г. учла доход в 724 млн, не считая доходов от железных дорог и таможенных пошлин. Грубый подсчет позволил министру определить поступления от последнего источника в 100 млн. Доходы же от железных дорог по сметам Министерства путей сообщения должны были составить за год 1400 млн, или 700 млн за полугодие, что сам министр считал сильно преувеличенной информацией. Поэтому вместо получившихся в итоге 1500 млн, глава финансового ведомства счел, что вероятнее всего доход за первое полугодие составил не более 1300 млн[67]. Характерно, что точнее доходов государства никто не знал. В том же докладе Л.В. фон-Гойер отметил, что в связи с закрытием казенной продажи спиртных напитков в Омском и Томском акцизных округах и потерей Урала летом 1919 г., годовой доход едва ли составит 3 млрд. Естественно, Л.В. фон-Гойер исходил из неоправданных надежд, в действительности поступления в бюджет осенью почти полностью прекратились. Недаром министр финансов П.А. Бурышкин, сделавший аналогичный доклад на Государственном экономическом совещании 17 декабря 1919 г., определил общую сумму поступлений в бюджет в размере от 1,5 до 2 млрд. Из них налоги составляли 108 млн руб.[68]

Обладая информацией о налоговых поступлениях, которые в июне 1919 г. сократились на четверть по сравнению с маем, в июле – на две пятых, в августе лишь чуть выросли, и несмотря на сильное падение реальной стоимости рубля, мы можем экстраполировать эти пропорции на остальные статьи государственных доходов, понимая всю условность этой операции[69] (см. Приложение, табл. II).

К такому же методу экстраполяции допустимо прибегнуть при реконструкции дальнейших доходов. Очевидно, что после августа 1919 г. реальные доходы правительства стали настолько ничтожны, что перестали оказывать влияние на его финансовое положение. Дальнейшее прогнозирование доходов и расходов в течение осени 1919 г. лишено всякого

---

[67] ГАРФ, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 31.

[68] Там же, л. 149–150об.

[69] Метод экстраполяции очень ненадежен, но к нему прибегают историки макроэкономического развития России, сталкивающиеся с провалами в статистических данных или с несопоставимыми данными. — См., например: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.) Новые подсчеты и оценки. М. 2003.

смысла, так как в условиях военной катастрофы их структура должна была сильно измениться, и никаких опорных данных для такой реконструкции нет.

В табл. III и IV (см. Приложение) представлено соотношение реальных доходов и расходов, продефлированных с учетом коэффициента падения стоимости рубля. Он получен на основании биржевого обменного курса. Однако знакомство с динамикой внутренних цен подталкивает к выводу, что полученные данные приукрашивают действительность, так как индекс потребительских цен на внутреннем рынке Сибири весной–летом 1919 г. свидетельствует о несколько большем падении курса рубля по товарному исчислению, чем по фондовому. Вопрос этот сложен и нуждается в специальном исследовании, но его результаты едва ли способны внести принципиальные коррективы в представленные статистические материалы и расчеты.

Разница доходов и расходов покрывалась за счет эмиссии денежных знаков. С сентября 1918 г. Временное сибирское правительство приступило к выпуску собственных денег (сибирских рублей). Его продолжило Российское правительство. Всего за время существования обоих правительств было напечатано около 15 млрд руб. По данным А.И. Погребецкого, общая эмиссия Омска составила 14 834 млн, (из них 12 731 млн – краткосрочными обязательствами, 638 млн – казначейским знаками и 1464 млн – облигациями государственных займов 1917 г. и купонами к ним) [70]. До сих пор его сведения считаются наиболее авторитетными в историографии. Можно уточнить, что эта цифра почти совпадает с эмиссионным правом, предоставленным Государственному банку в соответствии с законодательством. Однако на деле Экспедиция заготовления ценных бумаг превысила эти лимиты ещё до эвакуации из Омска, отпечатав в общей суме 12 859 млн сибирских рублей. В Иркутске было выпущено в обращение других денежных суррогатов на сумму примерно 400 млн руб.[71] Итого получается 15 593 млн руб. Политический центр выпустил в начале 1920 г. ещё 1820 млн разных видов сибирских денег.

Всё это позволяет говорить о том, что мы обладаем необходимым минимумом сведений об эмиссии и выпуске в обращение антибольшевистскими правительствами денежных знаков. Информация о темпах эмиссии и выпуска в обращение краткосрочных обязательств за весну–осень 1919 г. представлена в табл. V (см. Приложение). До своей эвакуации в Восточную Сибирь Временное Сибирское и Российское правительства выпустили в обращение чуть более 8 млрд руб. Остальные отпечатанные деньги либо оставались ещё не переданными из Экспедиции заготовления

[70] Погребецкий А.И. Денежное обращение… С. 8.
[71] ГАРФ, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 151об.

ценных бумаг, либо находились в отделениях Государственного банка или на пути к ним.

Чтобы правильно подсчитать увеличение объёма денежной массы на востоке России во второй половине 1918 – 1919 гг., необходимо учесть, что кроме краткосрочных обязательств Временное сибирское и Российское правительства выпустили 650 млн казначейских знаков и допустили обращение в качестве денежных знаков 1740 млн облигаций государственных займов 1917 г. и купонов к ним. Наравне с деньгами были допущены в обращение и государственные ценные бумаги с купонами более ранних выпусков. Но в отношении последних практически невозможно определить, какова доля государственного дохода от этой операции, а какую часть предъявили на рынок частные держатели этих ценных бумаг. В то же время в мае–июне 1919 г. была проведена операция по изъятию из обращения «керенок» в размере 1103 млн. В июле–августе 1919 г. Российское правительство обменяло краевые денежные знаки местного обращения[72]. Из 575 млн руб. подобных денег было обменено 116 млн. Поэтому общую эмиссию в 14 890 млн мы должны уменьшить на 1219 млн, что дает 14 474 млн руб. до падения Российского правительства и 16 294 до передачи Политическим центром власти Иркутскому военно-революционному комитету.

Особо следует сказать о попытках осуществить иностранный заем. 7 августа 1919 г. в Казани отрядами подполковника В.О. Каппеля была захвачена значительная часть Российского золотого запаса. Долгое время золото оставалось лежать в кладовых омского отделения Государственного банка, не будучи даже принятым на баланс. Тем не менее часть золотого запаса в 1905 млн зол. руб. была вывезена во Владивосток и продана или отдана под обеспечение займов иностранным банкам. Это были очень большие суммы в сравнении с сильно «полегчавшими» сибирскими рублями. Однако основная часть валюты, вырученной от золотого займа, не вернулась в Сибирь. Она пошла на финансирование расходов правительств Деникина, Юденича и Врангеля, работ Политического совещания в Париже, а в последующие годы – на ликвидацию финансовых обязательств российских дипломатических служб и обеспечение деятельности эмигрантских организаций[73]. Лишь небольшая часть валюты от продажи и депонирования золота может быть отнесена в разряд доходов, полученных Российским правительством. Более точное определение этой части требует специального исследования.

---

[72] Рынков В.М. Из истории финансовой политики контрреволюционных правительств Сибири // Социокультурное развитие Сибири (XVII–XX в.). Новосибирск, 1998. С. 74–89.

[73] Будницкий О. Деньги для «белого дела» // Исторические записки. М., 2004. Т. 7(125). С. 57–85.

Ещё один «дополнительный» источник денежных поступлений военных и гражданских властей – пожертвования населения. В отдельные моменты искренний порыв жертвовать свои сбережения на алтарь борьбы с большевиками был массовым. Часто жертвовали командирам конкретных частей, и поэтому учесть объем внесенных денег невозможно[74]. Уполномоченный Комуча В.И. Лебедев сообщал, что при взятии Сызрани население пожертвовало для армии 550 тыс. руб., Симбирска – 5,5 млн руб., Казани – 8 млн руб.[75]. Хотя В.И. Лебедев и опирался на заметки, сделанные в дни событий, мемуарист слишком склонен приукрашивать ситуацию. Документальных подтверждений этих фактов не выявлено. Известно, что в первые дни после антибольшевистского переворота в Сибири население пожертвовало для армии 72 335 руб., которые до февраля 1919 г. пролежали в банке[76].

Это не означает, что подобная участь постигла средства и других жертвователей. Все пожертвования можно разделить на два вида. Средства, предоставляемые адресно и без посредничества государственных органов, напрямую воинским частям или благотворительным учреждениям, как правило, использовались быстро и по назначению. Другая часть средств направлялась в государственные органы с указанием желательной статьи расхода, но не конкретного получателя. Их реализация могла задерживаться из-за бюрократических процедур. Ни те, ни другие благотворительные взносы учесть совершенно невозможно. В бюджете они отдельной строкой не прописывались. Крупнейшие организации востока России (церковь, кооперативные союзы, торгово-промышленные организации) отчисляли регулярные пожертвования из своих капиталов и оборотных средств[77]. Деятельность по сбору пожертвований для формирований ижевцев и воткинцев приобрела характер масштабной рекламной акции. При поддержке Российского правительства посланцы этих дивизий в августе 1919 г. умудрились собрать значительные пожертвования непосредственно в Великобритании[78]. Итак, добровольные пожертвования в основной своей массе не вносились в бюджет, однако являлись дополнительным источником поступления средств, иногда весьма значительным.

Основные статьи расходов восстановить гораздо труднее. В советской историографии всегда писали о том, что Временное сибирское и Россий-

---

[74] Вырыпаев В. Каппелевцы // 1918 год на востоке России. М., 2003. С. 65.

[75] Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков. Записки очевидца и участника свержения большевисткой власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919. С. 19, 31, 45; Из архива В.И. Лебедева. От Петрограда до Казани // Воля России. 1928. № 8–9. С. 172.

[76] СУР РП. № 7. Ст. 98.

[77] Иванов Б.В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976. С. 261; Эйнгорн И.Д. Колчаковщина и церковь // К 50-летию освобождения Сибири от колчаковщины. Материалы науч. конф. Томск, 1970. Вып. 1. С. 47.

[78] Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 329.

ское правительства щедро раздавали пособия капиталистам. В пример приводили сведения о деятельности Особого совещания по финансированию городских и земских самоуправлений и предприятий, имеющих общегосударственное значение. Эти сведения облетели все газеты. Современников впечатлила и встревожила публикация данных о громадных, как им казалось, миллионных «подачках» частным предпринимателям. Большинство из них не подозревало, что государство давно уже оперировало миллиардными суммами. Нисколько не сгущая краски по сравнению с господствовавшим общественным мнением, гневно привел эти данные и большевик А. Масленников в своем докладе Сиббюро ЦК ВКП(б) летом 1919 г.[79] Именно эти данные и их интерпретацию, прозвучавшую в докладе, использовали советские историки, изредка дополняя их более поздними данными из газет. При этом все встречающиеся в историографии сведения о работе этого совещания носят отрывочный и крайне субъективный характер[80].

Между тем, реальную роль Особого совещания по финансированию установить не сложно. Важно лишь вписать его деятельность в контекст общей финансовой политики. Данный орган был образован в июле 1918 г., но лишь 26 декабря 1918 г. Совет министров принял положение об этом органе, а в январе расширил его права. Он стал обслуживать и запросы органов местного самоуправления[81]. Об итогах его кредитной деятельности можно судить из нижеследующих данных. За первые четыре месяца работы (с июля 1918 г.) совещание выдало около 100 млн руб. ссуд. К 1 апреля 1919 г. совокупный объем выданных кредитов возрос до 505 704 738 руб., к 1 июля 1919 г. – до 665 739 000 руб., а к 1 апреля 1920 г. – до 1 067 529 498 руб. (но 206 164 000 руб. остались не выданными)[82]. Известно, что в соответствии с приблизительным бюджетом в 1919 г. правительство рассчитывало оказать поддержку предприятиям на 1270 млн руб.[83] и, следовательно, Совещание не освоило предназначенный ему изначально объём бюджетных ассигнований. В первую очередь это следует объяснить резким сокращением производственной и инвестиционной деятельности предприятий востока России во втором полугодии 1919 г. Нужно отметить, что совещание было довольно жёстким фильт-

---

[79] Масленников А., Рабинович И. Экономическое положение Сибири с тех пор как была свергнута советская власть // Борьба за Урал и Сибирь. М; Л., 1926. С. 211.

[80] Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 217; Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968. С. 64; Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. М., 1957. С. 22; и др.

[81] СУР ВСП. № 23. Ст. 218, 219; Правительственный вестник. 1919. 24 янв.; ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 48, л. 61.

[82] ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 856, л. 116; ф. Р-197, оп. 5, д. 77, л. 3об; ф. Р-3816, оп. 1, д. 34, л. 5, 29, 109;

[83] Там же, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 33.

ром. Утверждение В.А. Аверина, что Особое совещание не решало вопросов о целесообразности выдачи ссуд, но только определяло их размер[84], лишено всякого основания. Совещание, как указывалось в одном из его отчетов, «тщательно вникало в мотивы ходатайств, оценивало их значение» [85], проверяло обоснованность запросов, финансовое состояние и платежеспособность учреждения, подавшего ходатайство, запрашивало мнение специалистов и экспертов из центральных учреждений. Соотношение ссуд для разных типов организаций и учреждений, утвержденных Особым совещанием, существенно колебалось. Так, земствам и городам до 1 апреля 1919 г. досталось 4,7% от всей совокупности утвержденных ссуд, а с апреля по август 1919 г. – 15,2%, казачьим войскам – 10,7 и 2,5% соответственно. Поэтому давать оценки кредитной политике Российского правительства, основываясь на данных одного из промежуточных отчетов этого ведомства, как было принято в советской историографии, нецелесообразно. Итоговые результаты работы этого органа представлены в табл. VI Приложения.

Необходимо развеять миф о безудержном разворовывании казенных средств в антибольшевистский период при попустительстве правительств, который усердно создавала сначала большевистская пропаганда, а потом и советская историческая наука. Представители Государственного контроля, как правило, принимали активное участие в решении вопросов, касавшихся расходования средств, утверждения смет. Государственный контролер Временного областного правительства Урала Н.Н. Ипатьев дотошно просматривал все расходы, поступавшие на утверждение Совета правительства, в большинство из них он вносил изменения и сокращения. По его настоянию были также отклонены многие ходатайства о ссудах и ассигнованиях как недостаточно убедительные. Государственный контролер Комуча Г.А. Краснов был признан опытнейшим финансовым работником и последовательно приглашался на эту должность Директорией и Российским правительством. В справке о рассмотрении ходатайств, поступивших в Особое совещание по финансированию с 1 апреля по 1 сентября 1919 г., значится 199 ходатайств. Из них 98 (почти половина) были отклонены и только 29 ходатайств удовлетворены в полной мере – остальные существенно сокращены[86]. Попытки чрезвычайного революционного трибунала в 1920 г. инкриминировать Г.А. Краснову финансовые злоупотребления или халатность выглядели неубедительно. Они базиро-

[84] Аверин В.А. К вопросу о кредитовании… С. 71.
[85] ГАРФ, ф. Р-197, оп. 5, д. 77, л. 5.
[86] Там же, ф. Р-3816, оп. 1, д. 34, л. 58–61об.

вались на подтасовке фактов и игнорировании инфляции при сопоставлении ассигнований за разные месяцы[87].

Основную часть ссуд получили частные железные дороги и пароходства, практически полностью выполнявшие государственные плановые перевозки, органы местного самоуправления и те промышленные предприятия, которые работали на нужды государства и, в первую очередь, фронта. Большинство таких предприятий находилось во временном казенном управлении. Следовательно, субсидированием частного торгово-промышленного аппарата выдачу этих ссуд можно назвать лишь условно. Частные по форме собственности предприятия получали деньги лишь в меру того, как обслуживали нужды казны. Важно также отметить, что через Особое совещание осуществлялись возвратные расходы. Некоторая часть ссуд гасилась продукцией или услугами финансируемых предприятий. Конечно, в условиях стремительной инфляции 8% годовых, под которые предоставлялось большинство ссуд, были выгодны для получателей. Информация о том, как происходил возврат выданных средств, отсутствует. По большинству ссуд срок возврата наступил уже после падения Российского правительства.

Между тем, ряд финансовых вопросов не проходил стадию межведомственного согласования и сразу поступал в Совет министров в виде готовых предложений. Механизм финансового контроля в этом случае не срабатывал. Как правильно отметил Л.В. Шумиловский на судебном процессе, никто не мог проверить правильность финансовых расчетов на самом заседании[88]. Например, 7 ноября 1919 г. Совет министров представил министрам и их товарищам 50 000 руб. на представительские расходы. Их утвердили, даже не вникая в существо дела[89]. Оговоримся, что для осени 1919 г. это были небольшие суммы.

Очень серьезно подтачивали бюджет неимоверно возраставшие расходы на содержание личного состава. По сведениям министра финансов, летом 1919 г. в бюджет закладывались отчисления на зарплату государственным служащим в сумме 1200 млн руб. Дважды выплаченные полуторамесячные пособия составили 580 млн руб., а пересчёт окладов в соответствии с прожиточным минимумом, произведенный в октябре, но предусматривавший оплату труда по новым ставкам с 1 августа 1919 г., расширил эту статью расходов ещё на 1000–1200 млн. Итого получалось около 3 млрд руб. на содержание служащих[90]. На обсуждении проекта увеличения заработной платы государственным служащим и рабочим казенных

---

[87] Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 95–97, 113, 183–184, 187, 249, 532.
[88] Там же. С. 113.
[89] Там же. С. 183.
[90] ГАРФ, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 33.

предприятий приводились другие, очень важные сведения. Ежемесячные выплаты составляли 118 млн руб. на содержание личного состава армии и 177 млн руб. – на содержание гражданских ведомств. С мая 1919 г. раз в два месяца выплачивалась месячная надбавка, что в среднем увеличивало объём выплат на 50%, или до 342 млн руб.[91] Из этой информации явно следует лишь одно – за несколько месяцев объём предполагаемых выплат мог колебаться в сторону трехкратного увеличения.

Главной статьей расходов являлось финансирование военного фонда через Военное министерство и Министерства продовольствия и снабжения. Военный фонд подразделялся на две графы – расходы, косвенно сопряженные с военными действиями, и непосредственные расходы армии. К первой графе относили выплату пособий семьям военнослужащих, ремонт поврежденных коммуникаций. Как отмечал Г.А. Краснов, если смета представлялась заранее, как правило, государственный контроль считал её завышенной и предлагал сократить в 3 раза[92]. Но обычно выдачи осуществлялись путём отпуска значительных авансов, отчетность по которым представлялась задним числом и проверить её было трудно. В соответствии с докладом министра финансов от 13 декабря 1918 г. с 1 октября по 31 декабря 1918 г. в военный фонд было отпущено 405 млн руб. [93] По более поздней информации того же министра, за период с 1 июня по 31 декабря 1918 г. было выдано 320 421 797 руб. Всего же до апреля 1919 г. по военному фонду запрашивалось 2 741 480 000 руб., из которых 1 100 000 000 руб. – на заготовки министерств продовольствия и снабжения. Но выдано было всего 1 121 755 000 руб. [94] Собственным распоряжением министр финансов осуществлял авансирование военного фонда в 1919 г. в следующих объемах[95]:

С 1 июля по 31 декабря 1918 г.	421 млн руб.
22 февраля	300 млн
11 марта	200 млн
15 марта	300 млн
8 апреля	300 млн
29 апреля	500 млн
26 мая	100 млн
28 мая	300 млн
4 июня	500 млн
10 июня	500 млн
28 июня	1000 млн

[91] Там же, оп. 3, д. 1. л. 47–48.
[92] Процесс над колчаковскими министрами. С. 269.
[93] ГАРФ, ф. Р-176, оп. 4, д. 29, л. 177;
[94] Там же, оп. 5, д. 99, л. 1; ф. Р-189, оп. 4, д. 900, л. 52.
[95] Правительственный вестник. 1919. 3 янв., 2 авг., 13 сент.

2 июля	200 млн
16 июля	150 млн
1 августа	3550 млн

В отношении последней суммы указано, что эти авансы были выданы в период с апреля до первой половины июля 1919 г. 5 сентября Совет министров Российского правительства впервые отклонил просьбу военного министра о пополнении военного фонда на 500 млн руб.

Таким образом, можно предположить, что через военный фонд было отпущено в общей сложности 8521 млн руб., однако эта цифра превышает сумму совокупных государственных расходов и, следовательно, не может внушать доверия.

Вместе с тем, имеются сведения о том, что с июля 1918 г. по апрель 1919 г. Совет министров отпустил в военный фонд 1121 тыс., а по разрозненным сведениям за этот период было отпущено 1221 млн руб. Двойной подсчет очевиден. Точно так же разрозненные сведения за апрель–июль говорят об отпуске 3750 млн руб., а общий перечень за этот период, утвержденный 1 августа, свидетельствует только об отпуске 3550 млн. Исходя из вышеперечисленных обстоятельств, можно считать наиболее достоверным отпуск за период с июля 1918 г. по июль 1919 г. 4721 млн руб., что составляет 58% расходов правительства за этот период и практически совпадает с суммой выпущенных к этому времени в обращение сибирских денег (см. Приложение, табл. VII). Любопытный факт – эмиссионного дохода хватало, чтобы покрыть военные издержки.

Несколько иные сведения сообщил министр финансов Л.В. фон-Гойер Государственному экономическому совещанию. От отметил, что по первой графе (косвенные военные расходы) пришлось выделить 500 млн, и в ближайшее время будет выделено ещё 100 млн руб. По второй же графе в январе–марте 1919 г. было отпущено 1300 млн руб., с апреля до конца июня – ещё 2100 млн руб., а всего за полгода – 3863 млн руб. Причем на 1 июля – 2 октября Военное министерство запросило 5 млрд. Итого расходы военного фонда должны были составить за 9 месяцев 1919 г. 8860 млн руб.[96] Из источника не очень понятно, каким образом была получена эта сумма. Министр финансов отметил, что значительная доля отпускаемых средств не соответствует действительным расходам армии и ассигнуется напрасно. «Перечни военного фонда отличаются большой неточностью и основаны на крайне преувеличенных цифрах» [97]. По словам министра, главы военного ведомства, за исключением генерал-лейтенанта М.К. Дитерехса, препятствовали усилиям Государственного контроля по выяснению реальной численности армии. Причем, если ле-

[96] ГАРФ, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 33.
[97] Там же, л. 35об.

том перечни рассчитывались, исходя из численности личного состава в 800 тыс. чел., то на осень – уже исходя из 1 млн чел. при 300 тыс. лошадей[98].

В сентябре 1919 г. военные уверяли, что в случае отпуска в военный фонд 5 млрд им должно хватить средств до конца года. В декабре 1919 г. П.А. Бурышкин огласил уточненные данные расходов по военному фонду. Он сообщил, что в 1918 г. было израсходовано 674 млн, за первые три месяца 1919 г. – 1325 млн, с апреля по июнь – 3369 млн (что близко к нашим подсчетам), с июля по октябрь – 3832 млн и с 1 октября по 7 декабря – 2347 млн. Сведения о военных расходах за первую половину 1918—1919 гг. приведены в табл. VII Приложения. К концу года сумма должна была ещё существенно возрасти и, по его предположениям, в последний квартал года армия должна была израсходовать опять не менее 3 млрд руб.[99] В результате получалась внушительная сумма военных расходов – 12 200 млн. Эти сведения прозвучали в докладе министра финансов и никак не были подтверждены документально. Обращает на себя внимание тот факт, что с завидной периодичностью министры финансов сообщали всё более высокие данные об уже давно произведенных расходах. Очевидно, что они постоянно уточнялись. Поздние списки ассигнований, поданные на утверждение Совета министров, включали в себя неоплаченные старые расходы наряду с ещё предстоящими. Вероятнее всего, что в силу хаотичности в делопроизводстве ассигнования выделялись с большим опозданием, и значительная часть заявленных на второе полугодие сумм так и не была выделена.

Масштабным было также финансирование заготовительных операций министерств продовольствия и снабжения, объединенных с 20 декабря 1918 г. Существует перечень сумм, отпущенных в распоряжение этих ведомств с момента основания (июль 1918 г.) до 13 октября 1919 г., из которого следует, что за 1918 г. им было выделено 388 822 тыс. руб., а за девять с половиной месяцев 1919 г. – ещё 1 635 939 тыс. руб. Причем почти все упомянутые в списке отпуски были осуществлены до июля 1919 г. включительно[100]. По утверждению Л.В. фон-Гойера, Министерство продовольствия и снабжения, не имевшее собственного бюджета и испрашивавшее средства по мере надобности у Министерства финансов, к сентябрю 1919 г. израсходовало более 2 млрд руб., совершенно не представив за них отчетов[101]. Спустя три месяца другой министр финансов, П.А. Бурышкин, сообщал в своем докладе о том, что Министерство продовольствия и снабжения израсходовало на заготовки около 3 млрд, из которых

---

[98] Там же.
[99] Там же, л. 148.
[100] Там же, л. 259–260об.
[101] Там же, л. 30об.

половина прошла по военному фонду, остальное было получено непосредственно от Министерства финансов[102].

Значительная часть этих средств шла на снабжение армии и отпускалась через военный фонд. Известно, что до апреля 1919 г. около 40% средств, запрашиваемых военным министром в свой фонд, предполагалось расходовать на закупки продовольствия, медикаментов и интендантского довольствия централизованно через структуры Министерства продовольствия и снабжения. Но более точно подсчитать, в какой степени расходы этого министерства совпадали с расходами военного фонда, не представляется возможным.

Вопреки расхожему мнению о том, что антибольшевистские власти тратили огромные сумы на пропаганду и идеологическую борьбу с большевизмом, действительность рисует прямо противоположную картину. Так, созданный в мае 1919 г. Особый отдел в структуре управления делами Верховного правителя, отвечавший за контрпропаганду в Красной армии, до октября 1919 г. получил 12 623 тыс. руб.[103].

Точно также более реально можно оценить масштаб финансирования эвакуационных мероприятий в конце лета 1919 г. 1 августа Совет министров Российского правительства выделил на помощь беженцам 19 млн руб., а 21 августа передал Российскому Красному кресту из военного фонда 15 млн руб.[104], 11 августа на дезинфекционные и санитарные работы было отпущено 85 млн руб.[105] На строительство бараков для беженцев по линии железной дороги выделили сначала 100 млн руб., потом увеличили эту сумму до 400 млн руб.[106] Только казенные палаты отпустили наличными на чрезвычайные расходы, связанные с эвакуацией летом – осенью 1919 г., примерно 1,5 млрд руб.[107]. Но, делая расчеты о расходах на осень 1919 г., необходимо учесть, что рубль в Сибири упал в августе–сентябре до 2 коп., в октябре – до 1,5 коп, в ноябре – до 1–0,5 коп. Деньги, выделенные в августе, через два месяца стоили только четверть от первоначально выделенной суммы.

Большим недостатком статистических данных является отсутствие сведений о расходах на железнодорожный транспорт. Восстановить их по отрывочным данным нет никакой возможности, так как, с одной стороны, с 1 апреля 1919 г. тарифы на железнодорожные перевозки были повыше-

---

[102] Там же, л. 147об.

[103] Посадсков А.Л. Особый отдел Российского правительства: из истории пропагандистских спецслужб Белой Сибири // История белой Сибири. Кемерово, 2001. С. 165.

[104] ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 99, л. 49об.

[105] Правительственный вестник. 1919. 11 сент.

[106] Если Л.В. фон-Гойер в сентябре 1919 г. утверждал, что эти ассигнования проходили по военному фонду, то П.А. Бурышкин в декабре 1919 г. сообщил, что деньги были выделены по чрезвычайной смете МВД.

[107] ГАРФ, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 147.

ны (грузовые – в 9 раз, пассажирские – в 3 раза), что должно было существенно увеличить доходы от эксплуатации железных дорог. 1 августа 1919 г. произошло ещё одно, двукратное повышение тарифов[108]. Но, с другой стороны, часть грузов перевозилась по льготным тарифам или с отсрочкой платежа, а нередко просто нелегально. Железные дороги были важнейшим звеном распространения неплатежей в сибирской экономике. Всё это лишает смысла всякие экспертные оценки, экстраполяцию отрывочных данных на всю статью расходов. Составленная в августе 1919 г. справка информировала, что ежемесячные расходы Российского правительства на эксплуатацию железных дорог составляют около 110 млн руб.[109] П.А. Бурышкин в декабре 1919 г. сообщил, что смета, составленная МПС, предполагала получить доход от эксплуатации железных дорог в сумме 1250 млн руб., но эти ожидания совершенно не оправдались. Зато он точно указал расходы МПС – 2374 млн руб., и это была третья по величине статья расходов после военного ведомства и Министерства продовольствия и снабжения[110]. По смете МВД было израсходовано около 1 млрд руб. на работу почты и телеграфа[111].

Общая сумма расходов, ожидаемых к концу года, по данным П.А. Бурышкина, должна была составить 24 млрд руб. В бюджет были заложены ещё 3 млрд на оплату государственного долга, но эту статью включили в смету для пропагандистского эффекта и не пытались реализовать[112]. Такой общий итог может показаться странным и противоречащим информации о доходах правительства – реальных 1,5–2 млрд руб. и чуть более 13 млрд руб. эмиссионных поступлений. Однако это не должно смущать. Следует учесть ситуацию дефолта. Разница между совокупными доходами и расходами составляет прирост внутреннего долга. Государство, в первую очередь, его армия, а также и эвакуируемые предприятия и учреждения, свободно расходовали ресурсы, оформленные в качестве предполагаемых расходов, но оставшиеся неоплаченными. Можно, конечно, допустить, что часть полученного государством в долг так и осталась не использована по назначению и, следовательно, либо вернулась владельцам, либо досталась советской власти. Но перевести эту гипотезу в стоимостное выражение едва ли решится кто-нибудь из исследователей. В отсутствие точных финансовых документов обо всем можно только догадываться.

---

[108] Друг деревни (Томск). 1919. 1–15 авг.; Минусинский край (Минусинск). 1919. 26 июля.
[109] ГАРФ, ф. Р-157, оп. 1, д. 3, л. 104.
[110] Там же, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 147, 150об.
[111] Там же, л. 148об.
[112] Там же, л. 148.

Банки. Финансы органов местного самоуправления

Банки – одно из центральных звеньев функционирования рыночной экономики. Лидеры антибольшевистского движения хорошо понимали значение банковской системы и поэтому приложили немало усилий для её реанимации. Денационализация кредитных учреждений была произведена раньше, чем торговых и промышленных предприятий. Комуч принял специальный приказ (№ 16 от 12 июля 1918 г.) о денационализации банков[113]. Временное сибирское правительство 2 июля 1918 г. специально рассматривало этот вопрос и постановило принять скорейшие меры к восстановлению деятельности частных банков[114]. Обычно крупнейшие банки возобновляли свою деятельность через две–три недели после свержения в городе советской власти: в Самаре – в конце июня[115], в Иркутске – в начале августа[116], в Екатеринбурге – в конце августа[117], в Прикамье – в феврале 1919 г.[118] Осенью 1918 г. на востоке России действовало 5 отделений Волжско-Камского банка, 7 отделений Московского народного банка. Банковская статистика свидетельствует о росте балансов, увеличении активных операций[119]. Причем, например, Московский народный банк в конце 1918 – начале 1919 г. открыл ещё 5 отделений[120]. Всё это, вроде бы, указывает на благоприятные условия для работы банковских структур. Но с этой информацией разительно не совпадают газетные сводки, фиксировавшие ситуацию глазами улицы: очереди, ажиотаж. Если учитывать инфляционные процессы, банковское оживление окажется весьма относительным, возможным лишь после и на фоне советского затишья. Приток частных вкладов был минимальным, в основном банки привлекли на свои текущие счета оборотные средства предприятий, активизировавших свою деятельность. Население воспользовалось возобновлением работы банков, прежде всего, чтобы забрать деньги со старых счетов и вкладов. Иркутские банки, например, осенью 1918 г. могли удовлетворить только около 10% потребностей населения в наличных деньгах[121]. Чтобы уберечь банки от немедленного банкротства, власти позволили ограничить выдачу денег по текущим счетам: в Поволжье 150 руб. в неделю, в Сибири 100–200 руб.

---

[113] Приказы Комуча. С. 11.
[114] ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 43, л. 14–14об.
[115] Наш день (Самара). 1918. 29, 30 июня.
[116] Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902—1924 гг. Иркутск, 1994. С. 337–338.
[117] ГАСО, ф. Р-569, оп. 1, д. 18, л. 33.
[118] Освобождение России (Пермь). 1919. 1, 12 февр.
[119] ГАИО, ф. И-703, оп. 1, д. 10, л. 25, 29, 30, 31. Приблизительные результаты деятельности Иркутского отдела Московского народного банка (Помесячные сводки дебетовых операций за вторую половину 1918 г.).
[120] Томский кооператор (Томск). 1919. № 14–15. С. 18; Русская речь (Новониколаевск). 1918. 8 нояб., 29 дек.
[121] ГАИО, ф. 207, оп. 1, д. 5, л. 2.

в день на вкладчика[122]. Для расчетов по крупным операциям допускалась выдача вместо денег чеков Государственного банка, сроком в 10–30 дней[123]. В таком положении не было ничего необычного для населения – при большевиках всю первую половину 1918 г. часто действовал режим ограничения выдачи денег с личных вкладов, а нередко практиковался и полный запрет выдач[124]. При советской власти не только местные органы управления, но и сами банки порой ограничивали выдачу с текущих счетов, ссылаясь на плачевное состояние кассы[125]. С изгнанием большевиков финансовая ситуация продолжала ухудшаться, хотя все жесткие запреты были сняты. Во второй половине 1918 г. на фоне этой общей плачевной картины могли быть и исключения. Например, Тарский городской банк переживал мощный приток средств на текущие счета, которые едва удавалось разместить[126].

Слабость банковской системы на востоке России нельзя объяснить только негативными последствиями банковской политики большевиков, результаты которой склонны были преувеличивать как современники, так и советская и даже постсоветская историография[127]. Сразу после свержения советской власти были организованы обследования состояния банков. Они выявили, что большевики, не сведущие в кредитных отношениях, не успели и просто не смогли серьёзно навредить банковской сфере. Во многих случаях национализация проводилась формально. Проблемы состояния кредитно-банковской сферы востока страны в значительной степени имели объективный характер. Следует учесть традиционную в России слабость провинциальных негосударственных банков и местных филиалов столичных банков[128]. Лишившись подкреплений из центра, они оказались бессильны. К тому же часть активов дореволюционных банков составляли акции промышленных предприятий. Война и революция приве-

---

[122] ГАРФ, ф. Р-341, оп. 1, д. 37а, л. 66об.; ГАИО, ф. 207, оп. 1, д. 5, л. 2; ф. Р-2, оп. 1. л. 54–55; Вестник Комуча (Самара). 1918. 19, 21 июля; Русская речь. 1918. 29 нояб.; Уфимская жизнь (Уфа). 1918. 27 окт.; и др.

[123] ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 103, л. 51, 53об.

[124] ГАТО, ф. 150, оп. 1, д. 1006, л. 4; ф. 314, оп. 1, д. 12, л. 7.

[125] Доклад Правления общественного Сибирского банка Поповых в Томске Томской городской думе. Б.м., 1919. С. 6.

[126] Кириллов А.К. Городские банки Сибири. 2-я четверть XIX начало XX века. Новосибирск, 2003. С. 105.

[127] Волкова Г.К. Деятельность большевиков Западной Сибири по национализации банков (декабрь 1917 – май 1918 г.) // Рабочие Сибири в борьбе за построение социализма и коммунизма. Кемерово, 1967; Сербин А.И. Национализация банков и транспорта Советами Сибири в первой половине 1918 г. // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Новосибирск, 1994. С. 26–30.

[128] В 1917 г. доля провинциальных акционерных коммерческих банков в общем балансе акционерных коммерческих банков России составляла 12,2%. Остальное приходилось на столичные банки. — См.: Шепелев Л.Е. Акционерные банки в годы первой мировой войны // Исторические записки. М., 1963. Т. 73. С. 165.

ли к разорению предприятий, и фондовые ценности, оставаясь в портфелях банков, обесценились.

Режим крайней экономии и повышение процента по вкладам на текущих счетах на 1–2% позволили осенью 1918 г. собрать небольшую наличность в кассах банков для возобновления активных операций. Но это были средства торгово-промышленных учреждений, возобновивших использование банковских счетов. Отлив денег частных вкладчиков, несмотря на предпринимаемые усилия, продолжался[129]. Существенно оживить финансовый рынок, а уж тем более вернуть престиж банковской деятельности в условиях денежного дефицита было невозможно. Кредитная деятельность частных банков во второй половине 1918 г. оставалась убыточной [130]. Связь между банками разных регионов отсутствовала. Меры по стимулированию кредитной активности, такие, как разрешение ссуд под залог государственных процентных бумаг, хранящихся в Государственном банке, утвержденное Административным советом Временного сибирского правительства 14 сентября 1918 г.[131], мало изменили положение.

В конце 1918 г. в Томском Комитете Представителей акционерных коммерческих банков обсуждалось катастрофическое положение банков. Звучали предложения об одновременном закрытии всех отделений в связи с полным истощением ресурсов. После короткого осеннего оживления, в конце 1918 г. банковские операции вновь стали сокращаться и приносить всё большие убытки, дефицит балансов усиливался. Главной причиной стало отсутствие наличности[132]. 27 декабря 1918 г. Совет министров утвердил выделение огромного кредита в 100 млн руб. частным банкам на раскрепощение пассивов[133].

Таблица 2.2

Баланс банковских учреждений востока России в 1919 г. (млн руб.)

	1 января 1919 г.	1 июля 1919 г.	1 августа 1919г.
Баланс Госбанка	679	2083	2878*
Суммарный баланс акционерных коммерческих банков	548	888	1085

Источник: ГАРФ, ф. 143, оп. 1, д. 208, л. 7об.
*Данные на 1 сентября.

[129] ГАИО, ф. 703, оп. 1, д. 10, л. 68–70.
[130] Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток. М., 1998. С. 189.
[131] СУР ВСП. № 12. Ст. 114–115; ГАРФ, ф. 131, оп. 1, д. 103, л. 13–13об.
[132] ГАТО, ф. 197, оп. 1., д. 78, л. 1–4.
[133] ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 48, л. 83.

В связи с нехваткой наличности как в коммерческих банках, так и в отделениях Государственного банка, действовал порядок, по которому крупные переводы в большинство пунктов страны сопровождались пересылкой наличности. Причем, не полагаясь на почту, банки старались пользоваться курьерской службой Государственного банка. Министерство финансов само 1 августа 1918 г. рекомендовало отделениям Государственного банка требовать подкрепления наличными деньгами всех переводов на сумму свыше 20 тыс. руб.[134] Главное управление Государственного банка циркулярами от 15 января, 11 марта и 10 мая 1919 г. пыталось пресечь требование с клиентов наличных для денежных переводов, отмечая, что предыдущая рекомендация носила временный характер. Но в отсутствии наличности отделения шли на нарушение этих предписаний[135]. Государственный банк гордо рапортовал, что в 1919 г. смог восстановить переводные операции в Архангельск, Одессу и Екатеринодар. Только задолженность по таким переводным операциям составляла на 1 января 1919 г. 30 млн руб., а на 1 июля – 70 млн руб. [136]

Чтобы создать юридическую базу для более свободной деятельности отделений общероссийских банков на территории востока России, 14 марта 1919 г. Совет министров Российского правительства утвердил положения о временных дирекциях Русского торгово-промышленного, Русского для внешней торговли и Петроградского международного коммерческого банков. Управляющие отделений, действовавших на территории востока России, получили право избрать своей властью Временную дирекцию, полномочную осуществлять управление банком как единым целым в отрыве от головного отделения, оставшегося в столице[137]. Нужно отметить, что ещё до внесения поправок в акционерное законодательство, банкиры сами попытались организоваться и выработать условия возрождения деятельности кредитно-банковских учреждений. Так, на Поволжском съезде банковских деятелей в конце лета 1918 г. были самочинно выбраны новые временные дирекции столичных банков, пересмотрены оклады должностных лиц. Всё это вводилось явочным порядком и лишь несколько месяцев спустя получило законодательное закрепление[138].

В 1919 г. для усиления кредитной активности Министерство финансов внесло ряд изменений в правила залоговых операций. Так, была расширена номенклатура товаров, под которые Государственный банк осуществлял подтоварные кредитные операции. Упростилась операция выдачи кредитов под транспортные документы. С 10 апреля 1919 г. в 3–5 раз бы-

---

[134] ГАТО, ф. 149, оп. 1, д. 553, л. 105–105об.; ГАИО, ф. 38, оп. 3, д. 5, л. 6.
[135] ГАТО, ф. 149, оп. 1, д. 553, л. 105–105об., 124; ф. 197, оп. 1, д.83, л. 39.
[136] ГАРФ, ф. Р-143, оп. 1, д. 208, л. 114; ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 133, л. 14–14об.
[137] СУР РП. № 10. Ст. 161–163.
[138] Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток. 1917—1922. М. 1998. С. 180.

ли увеличены нормы выдачи подтоварных и вексельных кредитов, разрешаемых собственной властью местных отделений Государственного банка. Решениями от 29 апреля и 7 июля – ещё в 5–15 раз. Государственный банк возобновил выдачу ссуд под залог ценных бумаг, сданных на хранение, в размере 25% (с марта 1919 г. – 50%), но не более 3 тыс. руб. в год. Показательно, что объем кредитования коммерческих операций вырос по сравнению с довоенным временем с 9 до 16% от баланса, но если до войны Государственный банк двукратно покрывал свои активные коммерческие операции частными вкладами, то теперь – трехкратно. Следует учесть, что прирост баланса Государственного банка, как и акционерных банков, отставал от падения рубля, покрывая около 60% инфляции. Этим только и объясняется удельный рост коммерческих операций в структуре банковского баланса. Пятую часть коммерческих кредитов Государственного банка составляли кредиты, выдававшиеся акционерным коммерческим банкам, которые на государственные деньги посредничали в выдаче коммерческих кредитов[139].

Государственная система кредитных учреждений была более мощная, чем коммерческая. В начале 1919 г. на востоке страны действовало 30 отделений Государственного банка Сибири (готовились открыть ещё 10 отделений), 112 центральных сберегательных касс (с 18 городскими отделениями), 1149 почтово-сберегательных касс и 250 станционных железнодорожных отделений[140]. Коммерческие банки настойчиво требовали от государства ссуду на «раскрепощение», т.е. чтобы в полную силу запустить коммерческое кредитование объемом в 1 млрд руб. И.А. Михайлов обещал в конце 1918 г. 300 млн руб., однако реально на эти цели было выделено, как уже отмечалось, 100 млн руб.[141] К лету 1919 г. 8 дирекций акционерно-коммерческих банков получили из этой суммы только 74,5 млн руб. кредитов[142].

Повысить процент по срочным вкладам банки могли очень незначительно (с 4–6 до 5–8%), и это мало стимулировало частных вкладчиков сохранять наличность от инфляции в кредитных учреждениях. Ведь реальный процент по вкладам, равный номинальному проценту за вычетом инфляции, был всё равно отрицательный. Тем не менее, в первой половине 1919 г. на востоке России действовало 9 российских акционерных коммерческих банков и 118 городских общественных банков, возникло не-

---

[139] СУР ВСП. № 12. Ст. 112; Правительственный вестник. 1919. 20 марта; ГАРФ, ф. Р-143, оп. 4, д. 4, л. 75, 101, 103, 179; оп. 1, д. 208, л. 3об.–7; ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 140, л. 52–52об.; ф. 38, оп. 3, д. 5, л. 90; Наша заря (Омск). 1919. 7 марта; Заря (Омск). 1919. 7 марта; Русская армия (Омск). 1919. 8 марта; Эхо (Владивосток). 1919. 17 июля.

[140] ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 25.

[141] Русская речь (Новониколаевск). 1919. 2 февр.; Дальневосточное обозрение (Владивосток). 1919. 7 марта; Русская армия. 1919. 18 июня; Заря. 1919, 19 июня; Наша заря. 1919. 17 июня.

[142] ГАРФ, ф. Р-143, оп. 1, д. 208, л. 7.

сколько новых акционерных коммерческих банков, уставы двух были утверждены Министерством финансов, несколько банков открыли новые отделения на Дальнем Востоке. Особенно активны были отделения иностранных банков, которых насчитывалось 7 [143]. Это связано с получением государственных кредитов и возможностью банков осуществлять пассивные операции.

В 1919 г. банки очень активно практиковали подтоварные залоги, выдавая ссуды кооперативам, городским самоуправлениям, частным кампаниям. В конце лета 1919 г. посреднические кредиты банков составляли (млн руб.) [144]:

а) под зерновые продукты	97
б) под товары	30
в) под транспортные документы на товары	3,5
г) по вексельным операциям (переучет векселей и спец. тек. счета)	21,5
д) по спец. тек. счетам под %% бумаги	6,3
всего	158,3

Однако большинство залогов оставалось в просрочке и оборачивалось убытками банков, нечасто прибегавших к продаже заложенных товаров. Даже в случае возврата ссуд, рост инфляции лишал подобные операции коммерческой целесообразности. Основной доход банки извлекали из спекулятивных по сути операций – переводов денег с Урала и Сибири на Дальний Восток за комиссионные проценты и размен разных видов денежных суррогатов с большим лажем. Банковские спекуляции на Дальнем Востоке негативно сказывались на курсе российской валюты и расценивались в 1919 г. Российским правительством как угроза его финансовой безопасности.

Иностранные банки занимали особую нишу в кредитно-денежной сфере востока России. Падение советской власти вернуло им возможность развернуть свою деятельность на прежних, дореволюционных условиях. Свои отделения на Дальнем Востоке, прежде всего во Владивостоке и Харбине, открыли несколько крупных международных банков: Гонконг-Шанхайский, Индо-Китайский, Иокогама-Спеши (Иокогамский банк звонкой монеты), Чосен-банк (Банк Кореи). Основным источником их дохода был неэквивалентный обмен валюты на рубли и разных видов российских денег друг на друга. Они отказались принимать «сибирские» рубли и тем самым сильно способствовали понижению их курса. Среди общественности и управленцев Дальнего Востока многие полагали, что

[143] ГАТО, ф. 197, оп. 1, д. 83, л. 21–21об., 55–57; Заря. 1919. 26 февр., 21 марта; Русская армия. 1919. 23 марта; Эхо. 1919. 11 июля.
[144] ГАРФ, ф. Р-143, оп. 1, д. 208, л. 7об.

это являлось достаточным основанием для закрытия отделений иностранных банков на территории, контролируемой Российским правительством[145]. Сами же представители иностранных финансовых кругов отмечали, что действуют в рамках закона. Банковские спекуляции, в которых, кстати, были замешаны и отделения российских банков на Дальнем Востоке, есть лишь следствие слабости государства и расстройства торговли[146]. Действительно и российские и иностранные банки практиковали дифференцированные условия приема вкладов на текущие счета в зависимости от купюр, которыми вносились деньги[147]. Это, с одной стороны, являлось лишь реакцией банков на тенденции развития денежного рынка, а с другой – вело к усиленной дискриминации одних денег и приоритету других.

Естественно, валютная спекуляция была не единственной целью работы иностранных отделений банков. Иокогама-Спеши активно кредитовал экспорт сельскохозяйственной продукции из Манчжурии через Владивосток, а Банк Кореи, имевший свои отделения во Владивостоке, Спасске, Хабаровске, Благовещенске и Чите, обслуживал нужды японской армии. При этом банк разменивал военные боны, выдаваемые японским солдатам их правительством, на золото и собственные банкноты, охотно принимавшиеся населением[148].

Ещё одним типом организации, имевшей свой бюджет, являлись органы городских и земских самоуправлений. Одни исследователи включают их в структуру государственного аппарата, другие анализируют их как совершенно самостоятельные муниципальные образования. Нет смысла вдаваться в существо этой дискуссии. В рамках данного исследования вопрос решается легко – наличие самостоятельного бюджета не позволяет анализировать финансовое состояние земства как части государственного аппарата. Хотя их тесную связь с государством, в том числе и финансовую, игнорировать невозможно.

В данном разделе будут проанализированы бюджетные проблемы городских и земских органов. Будучи очень ограниченны в своих финансовых правах, не приспособлены к извлечению доходов в условиях революции и гражданской войны, они формировали свои бюджеты со значительным дефицитом. Но и в них они не вписывались, так как реальные теку-

---

[145] ГАНО, ф. Д-51, оп. 1, д. 998, л. 81–91; Наше дело (Иркутск). 1919. 27 июля; Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 15 апр.; Русский экономист (Владивосток). 1919. 20 авг.

[146] ГАРФ, ф. Р-176, оп. 1, д. 143, л. 139об. Перевод недатированной статьи из газеты «Владио-ниппо».

[147] ГАИО, ф. 155, оп. 2, д. 21, л. 17; Наше дело (Иркутск). 1919. 27 июля.

[148] Сиратори М. Деятельность японских банков на Дальнем Востоке России. 1907—1917 гг. // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 131.

щие расходы существенно превысили запланированные. Доля планируемых реальных доходов (налоговые поступления, муниципальные арендные статьи и прибыль муниципальных предприятий) городов и земств была примерно такой же, как и в государственном бюджете, составляя 3–5% [149]. Значительную часть городских доходов (часто более половины) планировалось получать из казны в счет возврата пособий, т.е. сумм, причитавшихся в прошлом с казны на покрытие государственных расходов, но так и не выплаченных. Но это были тщетные надежды. Казна плохо компенсировала даже текущие затраты городов и земств по обслуживанию государственных нужд. Другим сметным источником доходов планировалось сделать банковские и государственные ссуды, получить которые удавалось лишь отчасти[150]. Государство выдало городам и земствам значительные кредиты. Испрашивалось же к середине 1919 г., по сведениям правительственного официоза, 250 млн руб., по данным В.А. Аверина, основанным на архивных источниках, – 1,5 млрд руб.[151] Ситуация была нелицеприятной – государство переложило на муниципальные органы часть своих расходов, основную долю которых не смогло компенсировать. Вместе с тем оно находило средства на выдачу коммерческих возвратных кредитов, хоть и под чисто символические проценты, которые, в свою очередь, обанкротившиеся земские и городские органы были не в состоянии выплатить в срок. Снова налицо – закручиваемая казной пружина взаимных долгов и неплатежей.

Между тем, бюджеты городских и земских самоуправлений были более социально ориентированы, нежели у государства. По данным А.А. Мышанского, в среднем 15% расходов приходилось на обслуживание образования, 10% – на нужды общественного призрения (содержание приютов, общественных столовых и т.д.). В скотоводческих районах существенная часть уходила на борьбу с эпидемиями и эпизоотиями скота (20–40%). В прифронтовых районах около 1/3 городских и земских доходов приходилось тратить на обслуживание медицинских учреждений для военных и беженцев[152].

* * *

Проведенный анализ позволил составить относительно полное представление о масштабах основных статей государственных доходов и расходов, причем как в номинальном, так и в сопоставимом выражении. Из-

---

[149] Земская жизнь Приморья (Владивосток). 1919. № 2. С. 28.
[150] Вестник Тобольской губернии (Тобольск). 1919. 21 янв.
[151] Правительственный вестник. 1919. 17 сент.; Аверин В.А. К вопросу о кредитовании… С. 71.
[152] Мышанский А.А. Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1919 – январь 1920 гг.). Автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2004. С. 17.

вестно, что эмиссия – это своеобразный инфляционный налог. Он налагается государством на наличные деньги. Его легко просчитать – он представляет собой разность между доходами и расходами (см. Приложение, табл. II и III). Источники позволили определить соотношение реальных и эмиссионных доходов, военных и гражданских расходов. Их соотношение до лета 1919 г. было сопоставимым и, следовательно, инфляционный налог должен был примерно покрывать расходы на ведение гражданской войны.

Но это – лукавая арифметика. Вопреки правилам бухгалтерского учета сумма этих двух видов доходов и расходов не равна. Объем расходов, определённый правительством в конце 1919 г., приблизительно на 9 млрд превышает эти оба вида поступлений (т.е. сумму реальных доходов и эмиссии). Государство использовало гораздо больше ресурсов, чем оплатило. Оно совершенно не успевало своевременно покрыть все свои траты даже посредством эмиссии. А в условиях инфляции это очень серьёзный ресурс. Ибо разница курсов рубля на день получения товаров и услуг и день оплаты, а она была существенной, тоже составляет налог. Это был налог на предпринимательский сектор и домашние хозяйства. Нетрудно приблизительно посчитать его объём. Он равен сумме двух показателей: совокупному отсроченному платежу, помноженному на коэффициент инфляции в этот период, и штрафному проценту, взимавшемуся в то время в российской экономике за просрочку исполнения коммерческих договоров в реальном выражении. Последний показатель следует обязательно учесть. В нормальной экономике любая просрочка компенсируется, так как является упущенной выгодой. Первый показатель колеблется между 9 и 14,625 млрд. Нижняя цифра исходит из того, что ситуация дефолта возникла лишь в последние месяцы, и долг равен сумме недоплаченных платежей на момент ликвидации Российского правительства. Верхняя цифра определена при условии, что дефолт равномерно охватывал весь период деятельности антибольшевистских правительств, что ближе к истине. Таким образом, государство оплатило лишь половину полученных от общества ресурсов. Вторую половину изъяло бесплатно. Второй показатель (компенсация за упущенную выгоду) увеличивает исходную сумму ущерба негосударственного сектора экономики ещё на 10–15%.

Очевидно, что приведенная информация нуждается в дальнейшем уточнении. Более детальная реконструкция расходов возможна в ходе последующей работы с финансовыми документами антибольшевистских правительств. Уже проделанная часть исследования дает возможность сопоставлять как сводную, так и единичную информацию финансового характера, встречающуюся в источниках с общим уровнем доходов и расходов в текущий период. В этом его практическое значение для исследователей гражданской войны. Можно говорить о подведении итогов чисто экономической стороны описанной ситуации.

Лидеры «белых» правительств стремились к достижению бюджетного равновесия. Возникшая полтора десятилетия спустя кейнсианская экономическая модель будет исходить из целесообразности некоторого бюджетного дефицита, который стимулирует развитие народного хозяйства. Но Дж. Кейнс допускал дефицит умеренных размеров, не выходящий из-под контроля государственных финансовых институтов. Временные государственные образования востока России сразу вышли на такой уровень бюджетного дефицита, на котором почти перестают действовать макроэкономические регуляторы. В частности, государство не могло выбирать между эмиссией или займом как инструментом кратковременного покрытия бюджетного дефицита. В стабильной экономике займы позволяют эффективно сдерживать инфляцию. Но они производятся за счет сокращения уровня деловой активности, так как отвлекают средства негосударственных держателей денег (если речь идет о внутреннем займе). Эмиссия вызывает инфляцию, зато, напротив, влечет некоторый подъем деловой активности. У антибольшевистских правительств востока России не было выбора. Их «займоспособность» находилась на нулевой отметке. Зато и инфляция оживляла активность хозяйственных институтов только в краткосрочном периоде, только для первого обращения денег. Новые деньги не могли эффективно работать в экономике, обесцениваясь ранее, чем начинали давать отдачу. В казну они вовсе не возвращались, поэтому в долгосрочной перспективе второго и далее оборота, напротив, резко тормозили активность. Создавая дополнительное предложение денег, государство поднимало уровень занятости в отдельных секторах, но в целом в экономике он падал или компенсировался ростом скрытой безработицы.